

Хроника Веритто

Игорь Зуев

Хроника Веритто

<https://litres.ru/74678354>

SelfPub; 2026

Аннотация

Исторический роман про обычного бедного сапожника во времена возвращения папы в Рим и событий вокруг его семьи, друзей и деловых партнеров. Его иностранное происхождение и бедность не дают легкого заработка, и ради семьи он готов пойти почти на все, но истинная вера и семья не дают ему свалиться с пропасти лицемерия и лжи и упасть на дно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Игорь Зуев

Хроника Веритто

Глава 1

Пыль правого берега

Запах Трастевере состоял из трех вещей: прелой тины Тибра, овечьего навоза и едкой, вьевшейся в ногти кислотности — стоял тяжёлый дух мочи, сыромятной кожи и терпкого дубильного отвара из дубовой коры. Узкие петлявые улочки уходили в разные стороны вдоль Тибра, в сторону Ватикана и старого Колизея. Бедные дома, без канализации и удобств теснились друг к другу как бы мешая распухнуть и разжиреть, поэтому казались старыми, сухими и тощими.

Сантьяго Веритто сплюнул на земляной пол мастерской и с силой натянул дратву. Игла из прокаленной стали со стоном прорезала толстую подошву из бычьей сыромятницы. Пальцы Сантьяго, распухшие от мозолей и вечной сырости, уже не чувствовали боли. Ему было всего около двадцати четырех лет, но под ногтями чернела грязь, которую не мог вымыть ни один дождь.

Он был чужаком. В этом рычащем, растрепанном, полу-

мертвом Рима 1420 года все знали, кто откуда пришел. Соседи косились на его смуглый оливковый профиль и испанский говор, который он старательно глушил, заменяя жестким римским диалектом. Сам Сантьяго уже не помнил, как его отец или дед оказались на итальянской земле — то ли корабль пристал не к тому берегу, то ли война разогнала их семью по дорогам Европы. Но он знал одно: его сыновья чу-жаками не будут.

Поэтому старшего первенца он назвал Маттео. Не Сантьяго, не Хайме, а звонко, по-римски — Маттео. И второго мальчика, который сейчас тихо посапывал в плетеной люльке, — Луку. Пусть в их жилах течет испанская кровь, но говорят они на языке этого города, а зовут их так, будто их предки хоронили цезарей.

— Сантьяго! — из-за занавески, служившей дверью в жилую половину, выглянула его жена Лючия. — Опять колокола с Ватикана. С ума сойти можно, третий день трезвонят. Говорят, сам Папа возвращается. Из Авиньона.

Сантьяго не поднял головы, продолжая тянуть нить:

— Пусть возвращается. Хоть папа, хоть император, а башмаки у них у всех снашиваются одинаково. Грязь на мосту Святого Ангела не разбирает, кто идет. - пробормотал он в пол-голоса.

Хотя в глубине души сердце у него екнуло. Город гудел, как потревоженный улей. После десятилетий запустения, когда волки бродили по античному Форуму, а Колизей служил

законом для коз, возвращение папы Мартина V означало одно: сюда хлынет жизнь. Что принесет эта жизнь никто не знал. Сколько зла и горя могут принести чужаки он знал не по наслышке. Как могут травить и гнать тех кто не похож на местных он знал тоже.

За тонкой глинобитной стеной раздался металлический звон — мерный, чеканный стук молоточка по стали. За стеной жил их сосед, мастер-гравировщик Вальтер. Он специализировался на сложной работе: вырезал семейные гербы на рыцарских кинжалах, украшал узорами рукояти мечей и чеканил латы.

Вальтер был человеком угрюмым и держался особняком. В то время как весь Трастевере истово крестился на каждый купол и бежал к заутрене, Вальтер засиживался в тавернах у реки и отпускал зубоскальства насчет непогрешимости святых отцов. Сантьяго, истово веривший в Бога — просто потому, что без этой веры в нищете было не выжить, — старался не заводить с соседом долгих разговоров. Но по вечерам, когда за стеной раздавался тихий голос Вальтера и смех его подрастающего сына Марко, Сантьяго чувствовал смутную тревогу. Маленький Марко уже сейчас заглядывал в чужие дворы с таким холодным, расчетливым прищуром, от которого у молодого отца холодело в груди.

— Пойду гляну, что за праздник, — бросил Сантьяго жене, вытирая руки о фартук из грубой козьей шкуры. — Если народ сбежится к мосту, может, удастся кому-то старые по-

дошвы починить прямо на ходу.

Он частенько делал так для проезжих монахов и ремесленников, потому что они постоянно проезжали из Милана или Флоренции в Неаполь и обратно не задерживаясь в Риме, но считая обязательным проехать мимо него.

Он вышел из темной лавки на улицу. Осеннее солнце заливало Рим тусклым, но золотым светом. Первые солнечные лучи коснулись старой кровли собора Святого Петра, высветив тёплым золотом её покатые скаты и треугольный фронтон. Над крышами города ещё держалась утренняя дымка, и древняя базилика медленно выступала из неё, словно пробуждаясь вместе с городом.

Трастевере жил своей грязной, кипучей жизнью. Проходя мимо небольшой лавчки неподалеку, Сантьяго кивнул пареньку его же лет, который возился с отрезами грубого сукна. Это был Джулио — местный торговец тканями, с которым Сантьяго иногда перекидывался словом у колодца. Джулио был из тех людей, у которых за душой не было ни гроша, но в глазах горел тот самый нездоровый, дерзкий огонь.

— Эй, испанец! — окликнул его Джулио, вытирая пот со лба. — Глядишь на процессию? Говорят, Папа идет в окружении всей курии. Если у тебя получится протиснуться к мосту, смотри в оба. Такие люди голыми ногами по нашей грязи ходить не станут.

— Поглядим, — усмехнулся Сантьяго, завязывая мимолетную, но крепкую дружбу с будущим портным сильных

мира сего. Кто бы мог подумать тогда, что пройдут годы, и этот самый Джулио сошьет парадные бархатные мантии и тончайшие шелковые носки для самого Папы Римского и всех кардиналов, а их сыновья станут делить римские рынки. А пока этот Джулио носил точно такие же обноски как и сам Сантьяго.

Сантьяго зашагал к реке. Пройдя мимо церкви Санта-Мария-ин-Трастевере, он машинально перекрестился, прошептал короткую молитву о здоровье Лючии, Маттео и маленького Луки.

У реки толпился народ. Все дороги вели к мосту Святого Ангела, туда, где на другом берегу возвышался Ватикан. Сантьяго затерялся в толпе, глядя, как над водой плывет праздничный звон.

Сначала послышался глухой перестук копыт, ещё скрытый за поворотом дороги. И тут показался кортеж.. Толпа рухнула на колени в грязь, но Сантьяго устоял, вжавшись в каменный парапет.

Он поднял глаза и замер. Затем показались всадники — россыпью, по двое и по трое, в тёмных дорожных плащах, кольчугах и стальных шлемах. На солнце поблёскивали наконечники копий. Лошади шли устало, поднимая пыль, и время от времени кто-нибудь из всадников натягивал поводья, пропуская пеших служителей, спешивших вперёд. За ними двигались прелаты и кардиналы. Их длинные одеяния колыхались при каждом шаге, алые и пурпурные пятна вы-

делялись на фоне пыльной дороги. Одни беседовали вполголоса, другие ехали верхом, придерживая поводья в перчатках. В их движениях чувствовалась привычка к церемониям, но не военная выправка.

Потом над толпой поднялся пурпурный балдахин. Под ним следовал Мартин Пятый. Его окружали знатные римляне, державшиеся с почтительной серьёзностью. Папа двигался медленно, словно не просто въезжал в город, а возвращал себе древнее владение, утраченное на долгие десятилетия. По обеим сторонам дороги теснились люди. Женщины прижимали к себе детей, старики снимали головные уборы, мальчишки протискивались между взрослыми, чтобы хоть мельком увидеть понтифика. Из толпы доносились приветствия, отдельные возгласы сливались в общий гул.

Но за этим ликованием проступал другой Рим — обветшавший, бедный, с осыпавшейся штукатуркой на стенах и полуразрушенными домами. И всё же люди смотрели на процессию так, будто вместе с папой в город возвращалось нечто большее, чем двор и власть: надежда на то, что Рим вновь станет Римом.

Из-под тяжелой пурпурной мантии понтифика, когда тот делал шаг на ступени, на мгновение показалась пара обуви. Это были не грубые лапти бродяг и не стоптанные сапоги солдат. Это были изящнейшие туфли из мягчайшей заморской кожи цвета спелой вишни, искусно сшитые по ноге, без единого изъяна, с золотой пряжкой.

В этот момент в голове сапожника что-то щелкнуло. Сантьяго смотрел на сверкающую обувь наместника Бога на земле и отчетливо понял: кардиналам, вельможам, богатым купцам и тысячам паломников, которые потянутся в возрождающийся Рим, нужны будут новые туфли. Не просто защита от грязи, а знак величия.

Он вернулся в свою темную лавку с горящими глазами. Взял на руки спящего Луку, потрепал по щеке старшего Матео и дал себе молчаливую клятву: его сыновья будут обувать этот город. И заставит этот великий, страшный Рим уважать фамилию Веритто.

Глава 2

Урок

Прошло четыре года. За эти годы Рим не превратился в рай, но научился дышать. По мощенным булыжником улицам все чаще тянулись обозы с камнем и известью. Колокола стали бить чаще, приходы стали теснее.

Для Сантьяго эти четыре года слились в один бесконечный день. От рассвета до заката он сидел на табурете, оттачивая мастерство. Он больше не шыл «как придется» — он учился чувствовать кожу пальцами. Каждая наработанная лира давалась с боем. В их тесной лавке стало еще теснее: Лючия родила третьего сына, которого назвали Пьетро. Теперь под ногами Сантьяго крутились уже трое: подрастающий, серьезный Маттео, подвижный Лука и совсем еще крошечный Пьетро, чье агуканье перебивалось стуком молотка. Три рта нужно было кормить, но скоро Маттео будет помогать, надеялся Сантьяго. Он и сейчас уже подносит кожу и нитки, заглядывает за станок и интересуется чем же занимается его отец.

Шанс, которого Сантьяго ждал годы, пришел не из папского дворца, а из мутных вод Тибра. Было жаркое майское

утро 1424 года. Река медленно катила мутные воды между неровными берегами. У самой кромки темнели мокрые камни, к воде спускались ступени, а лодки покачивались у деревянных причалов. Дома стояли так близко к реке, словно привыкли каждую весну ждать её гневного подъёма. У пристани Трастевере, куда пришвартовалась баржа из Рипы, поднялся невообразимый шум. С баржи сгружали пожитки именитого живописца из Флоренции, приглашенного Ватиканом расписывать базилику. Флорентиец, привыкший к сытой и ухоженной Тоскане, глядел на римскую грязь с брезгливостью, а его слуги суетились, перетаскивая тяжелые кованные сундуки.

Один из носильщиков оступился на скользких досках мостков. Раздался всплеск, крик, и один из сундуков с грохотом ухнул в зеленую, бурлящую воду Тибра.

— Сундук! Мои эскизы! Мои платья! — заверещал на берегу живописец, заламывая руки.

Глотавшие пыль на берегу трастеврийские мальчишки — впереди всех восьмилетний Маттео — не раздумывая, с гиканьем побросали рубахи и прыгнули в воду. Сундук сорвался с края моста с глухим деревянным ударом, ударился о воду и исчез в мутной пене. На мгновение показалось, что река поглотила его целиком, но тут тяжёлый тёмный угол вынырнул на поверхность, и сундук, накренившись на бок, поплыл вниз по течению.

— Сундук! — закричал кто-то с моста. — Ловите сундук!

Вода подхватила его сразу, словно только и ждала, когда ей бросят добычу. Течение понесло ящик к середине реки, разворачивая то одним боком, то другим. Из-под железных полос вырывались пузырьки, крышка ходила ходуном, а в щели набивалась мутная вода.

Мальчишки у берега сорвались с места.

Первым побежал Маттео, босой, в короткой рубаше, задравшейся до колен. Он перемахнул через корзину рыбака, едва не опрокинул её и, не сбавляя шага, бросился по скользким камням к воде. За ним понеслись ещё двое. Один на ходу сбросил куртку, другой выругался, когда острый камень распорол ему подошву.

— Держи его у берега! — крикнул Маттео. — Не дай уйти!

Он прыгнул и холодная вода ударила в грудь так, что на миг перехватило дыхание. Маттео ушёл под поверхность с головой, взмахнул руками и вынырнул, отплёвываясь. Сундук был уже в нескольких шагах. Он плыл быстрее, чем казалось с берега: течение тянуло его боком, подталкивало сзади и всё время уводило от протянутых рук.

Маттео рванулся вперёд и ухватился за железную скобу. Его тут же развернуло а вода потянула за плечо, сундук дёрнулся, и мальчишка едва не ударился лицом о деревянный угол. Он стиснул зубы, обхватил скобу обеими руками и попробовал подтянуть ящик к себе. Тот даже не шелохнулся. Казалось, он был наполнен камнями.

— Верёвку! — заорал Маттео. — Да несите же верёвку!

Второй мальчишка, Марко, уже плыл к нему. Он грёб неловко, по-собачьи, то поднимая голову над водой, то исчезая в мутной ряби. Добравшись до сундука, он схватился за противоположную скобу. На короткое мгновение им удалось удержать ящик поперёк течения.

— К берегу! — крикнул Марко.

Они потянули одновременно. Сундук качнулся, но вместо того, чтобы поддаться, резко развернулся. Марко сорвало с места. Он выпустил скобу, хлебнул воды и забарахтался, стараясь не уйти под ящик. Тонио увидел, как его приятель исчезает за тёмным деревянным боком, и отпустил одну руку, чтобы схватить его за ворот.

Этого хватило, чтобы течение вырвало сундук у него из пальцев. Ящик снова понесло вниз.

— Проклятье! — Маттео откашлялся и поплыл следом.

С берега за ними кричали. Кто-то советовал плыть наискось, кто-то требовал немедленно выбираться. Над мостом уже собралась толпа; люди перегибались через каменные перила, указывая на сундук, который медленно приближался к выступающим из воды камням.

Тут в реку полезли взрослые. Первый был широкоплечий лодочник с голыми руками и кожаным поясом. Он не прыгнул с разбега, как мальчишки, а спустился по каменным ступеням, держась за вбитое в стену железное кольцо, и вошёл в воду по грудь. Второй, крепкий мужчина в тёмном плаще,

уже разматывал верёвку. Третий бросил ему конец и победжал вдоль берега, стараясь опередить течение.

— От ящика отойдите! — рывкнул лодочник. — Слышите? Отойдите, дурни!

Но Маттео не отступал. Он держался сбоку, временами касаясь сундука кончиками пальцев, будто боялся потерять его из виду. Марко, отдышавшись, снова подплыл к ящику, однако теперь не хватался за скобу, а толкал его плечом, стараясь не дать развернуться к камням.

Верёвка легла на крышку, соскользнула, зацепилась за железную полосу и снова поползла к краю.

— Подтягивай! — крикнул мужчина с берега.

Двое взрослых упёрлись ногами в камни. Верёвка натянулась, заскрипела, обожгла ладони. Сундук дёрнулся, пошёл боком, ударился углом о подводный выступ и застрял на мгновение между течением и верёвкой.

Лодочник рванулся к нему, нащупал скобу и ухватился так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Теперь! Все вместе!

Мальчишки навалились с другой стороны. Маттео толкнул сундук обеими руками, Марко упёрся плечом, а взрослые тянули верёвку, отступая шаг за шагом. Ящик скрежетнул по камню, набрал воды через щели и вдруг поддался. Его развернуло к берегу, где двое мужчин уже протягивали руки.

Ещё рывок — и сундук ударился о прибрежные камни. Его вытащили на мелководе, затем вчетвером втащили на

сухой берег.

Сундук отперли прямо на причале. Из него потекла речная тина, смывая дорожную пыль с дорогих суконных кафтанов и книг. Большинство вещей было безнадежно испорчено.

Маттео, мокрый и дрожащий от азарта, помогал выгрести размокшее барахло. Среди пропитанных илом тканей его взгляд упал на пару туфель. Один башмак затянуло илом и измяло тяжелым подрамником так, что кожа лопнула по шву. Но второй — изящный, из мягкой темно-бордовой кожи — остался цел.

— Забирайте эту дрянь! Всё пропало! — ругался флорентийский мастер, швыряя подмоченные вещи под ноги оборванцам.

Маттео схватил уцелевший башмак и испорченную полу-пару и во весь дух помчался домой.

— Отец! Гляди, что я принес! — запыхавшись, выкрикнул мальчик, вбегая в лавку и роняя на пол речные капли.

Сантьяго хотел было отругать сына за то, что тот лезет в опасную реку, но когда его глаза упали на бордовую туфлю, он замер. Он взял её в руки. Она была легкой, как перо, но при этом держала форму.

Сантьяго сел за верстак и осторожно, ножом для подрезки, распорол внутренний шов испорченного башмака. Маттео и пятилетний Лука встали по обе стороны от отца, затаив дыхание.

— Смотрите, — тихо сказал Сантьяго сыновьям, показывая на срезы. — Вы видите? Здесь подошва пришита не насквозь к верху, как делаем мы и все сапожники в Трастевере. Флорентийцы пускают между подошвой и верхом тонкую полоску кожи — рант. Прошивают сначала рант с верхом, а потом уже к ранту пристрачивают подошву.

Он поднял глаза на сыновей. В его взгляде горел огонь:

— Если вода пройдет через первый шов, второй её остановит. Нога остается сухой, а сапог можно перешивать хоть десять раз — верх не порвется!

Три дня и три ночи Сантьяго не спал. Он подбирал куски местной воловьей кожи, размачивал их в дубовой коре, пытался повторить флорентийский рант. Маттео подавал драгву и натирал её воском, а Лука держал свечу. Сантьяго сшил вторую полупару — точную копию той, что уцелела, пытался передать форму и изгиб.

На четвертый день, собрав всю свою храбрость, Сантьяго завернул обе туфли — оригинальную флорентийскую и свою новую — в чистый холст и отправился в постоялый двор, где остановился Maestro.

Флорентийский художник сидел у окна, угрюмый и злой. Когда простой сапожник из Трастевера положил перед ним свёрток, мастер лишь поморщился:

— Что это? Ты принес мне мои утонувшие пожитки?

— Я сшил вам пару к уцелевшему башмаку, Maestro, — ответил Сантьяго, сдерживая волнение.

Холодные пальцы художника взяли новосшитую туфлю. Он долго рассматривал шов, проводил пальцем по ранту, потом примерил.

Туфля села, но не идеально. Тосканская кожа была тоньше и эластичнее жесткой римской сыромятницы, да и колодка Сантьяго оказалась чуть шире в подъеме. Художник поморщился, сделал шаг и вздохнул:

— Нет, сапожник... Твоя кожа груба, как шкура римского быка. Для работы на лесах Ватикана она не подойдет — нога занемеет через час.

Сердце Сантьяго ухнуло вниз. Всё напрасно?

Но мастер неожиданно поднял на него глаза — в них больше не было презрения, только удивление:

— Но где ты, трастеверийский оборванец, научился флорентийскому рантовому шву? Кто показал тебе, как крепить задник?

— Я разобрал ваш испорченный башмак, Маэстро, — честно ответил Сантьяго. — И сшил новый за три ночи.

Флорентиец молчал несколько секунд. Затем достал из кошелья одну мелкую медную монету — пару мелких кватрино и бросил её на стол с сухим похлопыванием:

— Держи медяк за суету. Носить твою туфлю я не стану — жесткая, как доска. Но слушай меня, испанец: у тебя есть глаз и руки. У моих подмастерьев и резчиков, что таскают лесоматериалы у Святого Петра, сапоги рвутся каждые две недели. Иди к северным воротам стройки. Скажи старшему

артели, что тебя прислал мастер Джентиле.

Сантьяго сжал в кулаке медяк. Деньги были смешными — они не окупали даже потраченную дратву и воск. Но слово мастера стоило дороже золота. У него появился прямой ход на главную стройку Рима.

Глава 3

Разговоры и пыль

Утро в лавке Веритто началось не с молитвы, а со звонкого удара молотка и хриплого кашля.

— Левее бери, Маттео! Не жалеяй воска на дратву, — Сантьяго склонился над верстаком, разглядывая, как старший сын натягивает рант на тяжело зажатую в тисках колодку.

Двенадцатилетний Маттео, уже успевший вытянуться и раздаться в плечах, вытер со лба пот грязным рукавом.

— Отец, кожа на заднике сухая, как мартовская ветка. Если я натяну сильнее, шов лопнет.

— Не лопнет, если ты её размочишь в той ушате, что у двери, — отрезал Сантьяго, не поднимая глаз от своей работы. — Трастеверийский бык жесткий, но если дать ему воды да ласки, он служит верой и правдой пять лет. Запомни: слабая кожа делает калеку, а плохой шов делает нищего. Мы с тобой не нищие.

В лавку, сопя и отдуваясь, ввалился Лука. Свои девять лет он нес с такой лёгкостью, будто вся эта римская грязь вокруг была просто игровой площадкой. На плече у него болталась

холщовая сума, набитая отремонтированными башмаками.

— Сходил, Лука? — спросил Сантьяго, откладывая шило.

— Сходил, отец! Все отдал, — задорно выкрикнул Лука, вытирая нос. — У северных ворот строители только тебя и ждут. А на верхних лесах мастера из Сиены ругались: говорят, римская дратва — дрянь, только твоя и держится!

— Не болтай лишнего, бери следующую связку и беги на стройку, — улыбнулся в усы Сантьяго, хоть сердце его и замерло от похвалы. — Да смотри, под леса не лезь, камушком голову пробьют — шить нечем будет.

На стройке Ватикана гудело Вавилонское башнище. Огромные дубовые балки скрипели под тяжестью блоков, сотни мулов тащили повозки с известью, а над всем этим стоял непрерывный мат на десятке итальянских диалектов.

Лука ловко лавировал между грудями сухих досок и известковыми ямами, таща на себе суму с сапогами. Возле недостроенной стены аркады он приметил высокого, тощего каменщика в фартуке, заляпанном белым раствором.

— Эй, дядька Томазо! — окликнул его Лука, подбегая ближе. — Держи! Отец твои сапоги перешил, новый рант поставил. С тебя три кватрино, как договаривались.

Каменщик вытер белые от известковой пыли руки об штаны, взял сапог и с сомнением покрутил его перед носом.

— Три кватрино? Маловат карапуз, а дерут с нас, работяг, как с папских племянников! За что тут три кватрино? За кусочек коровьей шкуры?

— За кусочек? — Лука дерзко подбоченился и звонко рассмеялся. — Ты, дядька, эти сапоги три месяца по камням драл, пока подошва не стала тоньше блина! Отец мой тебе туда дубовую подкладку поставил да двойным швом прошил. На, примерь! Если за неделю порвутся — сам лично тебе три кватрино верну и еще одну пару сверху сшью!

Томазо натянул сапог, прошлся по щебню, притопнул тяжелой ногой. Сапог сел как влитой — крепко, надежно, защищая ногу от острых сколов.

Каменщик ухмыльнулся и достал из поясного кошелья медяки:

— Ну и шустрый ты, испанец! Отцу передай: если б все в этом городе строили так, как он шьет, наш собор уже до небес бы вознесся. На, держи свой медяк да проваливай, пока прораб не увидел.

Лука сгреб монеты, звякнул ими в кулаке и с гордостью побежал дальше. Он любил этот шум, любил, когда его узнавали, любил чувствовать себя частью этой огромной, кипящей жизни. За ним, едва поспевая на коротких ногах, семенил пятилетний Пьетро. Но если Лука глазел на леса и слушал разговоры мастеров, то Пьетро шел молча, исподлобья разглядывая блестящие пряжки на сапогах папских стражников.

Вечером того же дня в таверне «У трех голубей», что стояла на самом краю Трастевере, было тихо. В дальнем углу, за плотной занавеской из грубого холста, горела одна един-

ственная масляная лампа. За столом сидели двое.

Один из них — чиновник папской канцелярии в скромном, но дорогом суконном плаще. Второй — молодой дьякон, доверенное лицо одного из влиятельных кардиналов курии.

— Епископ требует, чтобы поставка свинца для кровли прошла без лишних глаз, — тихо, почти не разжимая губ, произнес чиновник, крутя в пальцах пустой кубок. — Ватикан платит за тосканский свинец по чистой цене. Но если разбавить его дешевым ломом из Неаполя, разница составит почти двести флоринов.

— А вес? Прорабы на стройке не глупы, они проверят, — прошептал дьякон, нервно озираясь.

— Прорабы смотрят на клеймо. Клеймо должно быть настоящим. Нам нужен чеканщик, который сделает точную копию печати литейных мастерских Флоренции. Человек проверенный, который умеет держать язык за зубами и не станет задавать вопросов.

— Есть такой, — чиновник наклонился ближе. — В Трастевере, за рекой. Вальтер. Гравировал оружие и чеканит доспехи. Голодный, угрюмый, берет недорого и лишних расспросов не любит. Напиши ему записку. Завтра же передадим кусок меди для пробы.

Они не знали, что за тонкой деревянной перегородкой, в темном складе для винных бочек, затаив дыхание, сидели два мальчишка.

Это были Марко, сын мастера Вальтера, и маленький Пьетро Веритто, которого Марко приволок с собой «поглазеть на взрослых».

Марко сжал кулаки, а его глаза в темноте вспыхнули злым, недетским азартом.

— Слышал, Пьетро? — прошептал Марко прямо в ухо младшему Веритто. — Двести флоринов... Только за одну фальшивую печать на свинце. Мой отец сделает эту штуку за вечер, а они заплатят ему золотом. Вот где настоящие деньги, а не в твоих вонючих сапогах!

Пьетро молчал, но его маленькое сердце колотилось как сумасшедшее. Он смотрел на Марко, потом на свои липкие от дегтя пальцы, и в его детской голове впервые заронилась мысль, которая изменит все: зачем пахать всю жизнь до кровавых мозолей, если богатство можно просто вырезать из кусочка меди за одну ночь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.